

АССОЦИАЦИЯ «АНАЛИТИКА»

«.....то оружие священо,
на которое единственная
надежда»

Н. Макиавелли «Государь»

В.И.Ковалев, С.Ю.Малков

ЗАЧЕМ РОССИИ В 21 ВЕКЕ НУЖНО ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ ?

(Доклад российскому интеллектуальному клубу)

Россия относится к числу государств мира, оказывающих реальное и существенное воздействие на ход развития всего человечества. Однако, если Древний Египет и Китай, можно охарактеризовать как источник зарождения человеческой цивилизации, Индию – как источник духовного мира, Грецию - как источник философии, Рим – как источник государства и права, а англосаксонские страны – Великобританию и США – как источник инновационных процессов, то Россию – как источник великих экспериментов по выживанию государства и его народа.

Исторически Россия всегда имела сложное геополитическое положение, суровые климатические условия, многонациональный народ и жестоких правителей. Данные факторы способствовали тому, что Россия на протяжении последнего тысячелетия подвергалась практически непрерывным воздействиям множества внутренних и внешних носителей и источников опасности. История России уникальна по масштабам испытаний, выпавших на ее долю, а также массовых проявлений героизма и самоотверженности народа.

Тяжелейший экзамен на выживаемость выдержала Россия и в последнем веке второго тысячелетия.

Однако, несмотря на сложность и трагичность своей истории, Россия нередко демонстрировала уникальные способности к самосохранению,

проявляла мощнейшие социально-психологические защитные механизмы (особенно в критические моменты), обеспечивающие не только ее выживание, но и последующее развитие.

Вместе с тем, *несмотря на огромный опыт, большие потрясения и потери населения, Россия и к настоящему времени не сумела создать эффективного механизма защиты страны от опасности.*

Общее состояние безопасности России в настоящее время можно оценить как проблемное и не имеющее тенденции к улучшению. Состояние основных сфер жизнедеятельности страны характеризуется наличием кризисных явлений и неустойчивостью развития.

Оценивая «внешнюю» безопасность России необходимо отметить следующее. Экономическое ослабление России, разоружение, свертывание оборонно-промышленного комплекса страны привели к снижению международного статуса и роли России, уменьшению ее влияния на экономические и политические процессы в мире, вытеснению ее с позиций в «ядре» Мир – системы в «полупериферию», снижению уровня безопасности России в международной сфере.

В последние годы руководство государства начало принимать экстренные действия по выводу страны из тяжелого положения, более адекватно оценивать ситуацию, выделять наиболее опасные внутренние и внешние угрозы безопасности и определять способы организации противодействия им.

Однако данные действия можно отнести к числу достаточно очевидных первоочередных мер, выработка которых не требует привлечения серьезных интеллектуальных ресурсов, а требует, главным образом, проявления политической воли руководством страны.

Дальнейшие действия по обеспечению безопасности и развития страны не являются очевидными и однозначными

Анализ отечественного и зарубежного опыта обеспечения безопасности социальных систем показывает:

1. Обеспечение безопасности не может быть однократным актом. Это непрерывный процесс развития систем обеспечения безопасности, совершенствования методов, способов и механизмов мониторинга, выявления потенциальных опасностей и угроз, выработки и реализации эффективного противодействия всему спектру существующих и прогнозируемых угроз.

2. Безопасность может быть обеспечена лишь при комплексном использовании **всего арсенала имеющихся сил и средств**. Наибольший эффект достигается тогда, когда все используемые силы, средства и методы объединяются в **единый, целостный механизм – систему обеспечения безопасности**.

3. Для успешного выживания и развития Россия должна обладать комплексом защитных свойств, значительная часть которых определяется наличием у нее эффективной системы обеспечения безопасности.

4. Система безопасности не может обеспечить требуемый уровень защищенности страны без надлежащей подготовки и обеспеченности необходимыми силами и средствами направленного воздействия на основных «акторов» межгосударственных (и внутренних) конфликтов, без участия соответствующих органов управления и необходимых правовых, организационных и технических мер.

В рамках указанной системы безопасности ядерное оружие (ЯО) есть элемент защищающего субъект-объектного комплекса, функционирующего в режиме, позволяющем с определенной степенью риска поддерживать (защищать) на заданном допустимом безопасном уровне целевое функционирование защищаемого субъект-объектного комплекса в достижении целей, удовлетворяющих его интересам, от потенциального и реального воздействия со стороны угрожающего субъект-объектного комплекса, который своим функционированием преднамеренно или непреднамеренно наносит ущерб целевому функционированию защищаемого субъект-объектного комплекса.

Целью ЯО как элемента системы управления безопасностью России является **поддержание способности** выделенного субъекта отношения безопасности, а именно его составной части - системы безопасности, **адекватно реагировать** на происходящие в процессе развития межсубъектных отношений **изменения (события)**, ущемляющие интересы данного субъекта, на уровне достаточном для **предотвращения неприемлемых для него ущербов и последствий**.

При создании эффективной системы обеспечения безопасности необходимо учитывать следующее.

Жизнедеятельность (функционирование) любой социальной системы осуществляется в двух средах: внутренней и внешней. Отделение внутренней среды социальной системы от внешней окружающей среды осуществляется с помощью некоторой третьей, граничной (пограничной) среды.

В свете вышесказанного необходимо отметить, что внутренняя среда социальной системы («страна») самым непосредственным образом влияет не только на состояние ее внутренней, но и внешней безопасности, а также и на рациональные способы ее обеспечения. В качестве примера можно указать на наличие казуальной связи между «демографической ямой», в которую попала России и выводом о превалирующей (в обозримом будущем) роли ядерного оружия при создании эффективной системы обеспечения безопасности на ближнюю и среднесрочную перспективу.

Суть проблемы попадания в «демографическую яму» состоит в следующем /1/.

В репродуктивный возраст в России сейчас вступает поколение, рожденное в начале 1990-х – самое малочисленное за послевоенный период. Сейчас 15-летних в России в 2 раза меньше, чем 25-летних. Уже через 10 лет численность женщин в активном репродуктивном возрасте 20-29 лет, на которых приходится почти 2/3 рождений, сократится почти вдвое, что

неминуемо приведет к сокращению числа рождений. Такая ситуация названа Президентом России «вызовом всей нашей нации».

Несмотря на достигнутые позитивные результаты, задача преодоления демографического кризиса сохраняет актуальность. Рождаемость, несмотря на рост, остается значительно ниже уровня простого воспроизводства населения (2,1 ребенка на женщину) и ниже уровня 1990 г. (1,89 ребенка на женщину).

Предусмотренные в *Концепции демографической политики* целевые показатели рождаемости, не обеспечивают последующий рост численности населения России в долгосрочной перспективе. Уже после 2025 года убыль населения возобновится. При инерционном сценарии численность населения сократится в ближайшие десятилетия – до 140 млн. человек к 2020 году и до 113 млн. к 2050 году.

Последствия «демографической ямы» 90-х беспрецедентны.

Сокращение численности населения России и предстоящее в ближайшие годы изменение его возрастной структуры, затронет все аспекты социально-экономического развития напрямую относящиеся к национальной безопасности:

- **Трудовой и экономический потенциал.** Россию ожидает колоссальное сокращение населения трудоспособных возрастов – к 2020 г. на 7-8 млн. человек, а к 2050 г. – более чем на 26 млн. человек. Экономические и трудовые потери могут быть компенсированы только миграционным притоком и (или) ростом производительности труда. Возрастная структура экономически активного населения сильно «постареет», что поставит под угрозу запланированные темпы перевооружения ВС РФ на современную технику, *экономического роста государства, инвестиционную привлекательность и структурную модернизацию экономики.*

- **Кадровая политика.** Наибольший ущерб от эффекта старения примут на себя отрасли оборонного комплекса России, в том числе непосредственно связанные с перспективами модернизации. Из них в скором будущем начнут выбывать стареющие кадры. Дефицит кадров при необходимости роста экономики, основанной на инновациях, может привести к тому, что «процветающими» так и останутся нефтегазовая промышленность и финансы с самой высокой заработной платой, привлекающие немногочисленную высокообразованную часть населения.

- **Оборонеспособность.** Численность мужчин призывного возраста (18–27 лет) сократится к 2020 г. на 3,8 млн. человек (**более чем на треть**), к 2050 – на 4,5 млн. (более чем на 40%), что вызовет проблемы с комплектованием вооруженных сил.

- **Геополитические риски.** Особую угрозу представляет демографическая ситуация в Дальнем Востоке, где нашими соседями являются три крупнейших экономики мира. Вследствие низкой рождаемости, высокой смертности и миграционного оттока численность населения Дальневосточного федерального округа к 2050 году может сократиться почти на 40%, до менее чем 4 млн. человек. Территориальная целостность России как самого большого по площади единого государства может оказаться под угрозой.

Легко видеть, что после 2015г весь призывной резерв будет полностью исчерпан даже с чисто количественной точки зрения. В указанных условиях ВС РФ реально могут сократиться до 500-600тысяч, что радикально отразится на возможностях сил общего назначения (СОН) /2/. Можно достаточно обоснованно утверждать, что они (несмотря на декларируемое перевооружение) реально могут одержать победу только в локальном военном конфликте, подобном грузинскому или чеченскому.

Возможности российских СОН эффективно управлять возможным региональным военным конфликтом на восточном и западном направлениях

вызывают большие сомнения. В качестве иллюстрации к данному оценочному суждению ниже приведены результаты сравнения военных потенциалов конфликтующих сторон.

Сравнительный количественный анализ соотношения военных потенциалов проводился по следующим трем количественным моделям.

- Модель №1 Института экономических стратегий РАН.
- Модель №2 С. Модестова (Модестов С.А. Военные потенциалы стран мира – Вестник АВН, №4 (3), 2003 г.).
- Модель №3 геополитического статуса /4,5/.

Сравнение проводилось по формуле: $\Delta W = W_{НАТО} / W_{РФ}$, где ΔW , $W_{НАТО}$, $W_{РФ}$ – отношение ВП, ВП стран НАТО и ВП России соответственно.

Результаты сравнения сведены в Таблицу 1.

Таблица 1 – Соотношение ВП НАТО и России по состоянию на 2012 год

№	Модель	ΔW	
		СОН	ВП в целом
1	Института экономических стратегий РАН	12	9
2	Модель С.Модестова	16	11
3	Модель геополитического статуса	50	14

Примечание: Модель №3 (ГС) оперирует долями, которые имеет страна в обобщенном мировом военном потенциале, а первые две модели – абсолютными значениями боевых потенциалов.

Справочно: Согласно высказыванию бывшего министра иностранных дел Польши Р.Сикорского (в его телевизионном интервью по событиям на Украине) соотношение военных потенциалов сил общего назначения НАТО – Россия составляет 16:1

В качестве иллюстрации к результатам представленным в табл.1 ниже приведен материал из /3/.

«Величину дисбаланса военного потенциала (ВП) нашей страны с основными потенциальными противниками и ее динамику можно оценить, в частности, по интегральному (обобщенному) показателю (представляющему собой долю отдельной страны в общемировом ВП) на основе соответствующей количественной методики (рис.1 и 1)».

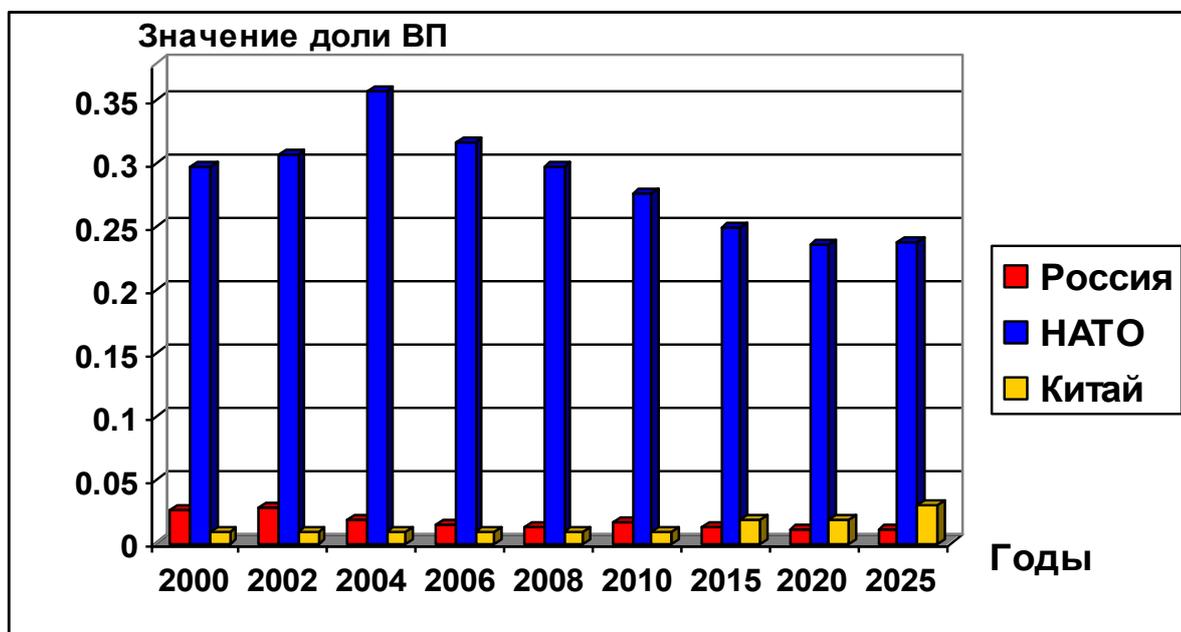
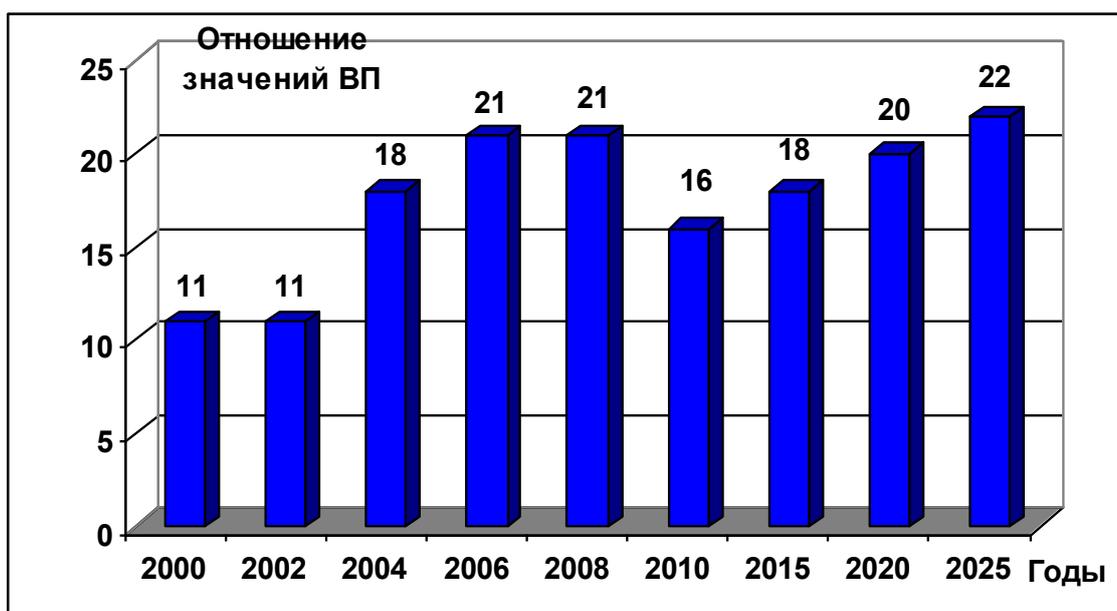

Рис.1 – Динамика долей России, НАТО и Китая в общемировом интегральном показателе актуального военного потенциала/3/

а)

б)

Рис.2 – Динамика соотношения военных потенциалов:

а) НАТО/Россия б) Китай/Россия /3/

«Как видно, по интегральному показателю Россия сегодня существенно уступает лишь НАТО (и США, вносящих основной вклад в военную составляющую альянса). Однако, как показывает анализ структуры ВП, данное превосходство России над другими странами (за исключением США) обеспечивается за счет ЯО, что и демонстрируют графики на рис.3».

Рис.3 – Динамика значений доли России в мировом военном потенциале с учетом и без учета ядерного оружия /3/

Вывод о превалирующей роли ЯО в обеспечении военной безопасности России в условиях объективного количественного сокращения СОН подтверждают даже исследователи весьма либерального толка (ИНСОР) /2/, которых уж никак нельзя заподозрить в «комплиментарном» отношении к ЯО.

В работе «Обретение будущего (стратегия 2012).» /2/ отмечается (стр. 264): «Реальная безопасность страны обеспечивается за счет ракетных сил стратегического назначения (РВСН), где преобладает офицерский состав..». И далее (стр 269): « Руководство страны должно отдавать себе отчет о том, что обычные вооруженные силы способны одержать победу лишь в локальном или, в лучшем случае, региональном конфликте. Гарантию безопасности .. дает ядерное оружие..». Трудно не согласиться с этим мнением.

В свете вышесказанного необходимо отметить следующее. В последнее время в когнитивную и аффективную компоненты массового сознания и, в том числе, в сознание основных базовых элементов системы принятия военно – политических решений усиленно внедряется тезис о том, что неядерные системы высокоточного оружия способны эффективно заменить ядерное оружие. По нашему мнению, лица поддерживающие его либо сами дезинформированы, либо некомпетентны, либо стремятся к достижению неких (недекларируемых) целей.

По указанному вопросу либеральным (к сожалению – не только им) «экспертным сообществом» запущен эффективный механизм управления поведением целевых аудиторий – «формирование системы отношений».

Производится направленное влияние на построение ментального состояния основных базовых элементов российской системы принятия военно-политических решений, нацеленное на поддержку инициатив по

глубоким сокращениям в сфере СЯС. Мы не имеем возможности в ограниченных рамках данного труда прокомментировать с позиции «теории обмана» систему аргументов указанного «экспертного сообщества». Вместе с тем мы предлагаем в духе Г.Лейбница - **«Давайте вычислим, господа!»**.

Как известно главная стратегическая функция ЯО – **сдерживание**. В простейшей (статической) теории сдерживания последствия для агрессора ассоциируются, как правило, с понятием **«ущерб»**, под которым понимают, главным образом, прямые физические потери промышленного (экономического), демографического и военного (военно-экономического) потенциала, которые понесет агрессор в результате ответных действий /6/.

Анализируя категорию ущерба и рассматривая его при этом, как основу сдерживания, исследователи, разумеется, практически сразу же осознали тот очевидный факт, что не всякий ущерб сам по себе способен удержать потенциального противника от каких-либо враждебных действий (главным образом от прямой военной агрессии), а лишь тот, который обуславливает потери, несопоставимые, по мнению военно-политического руководства противника, с выгодами предстоящей агрессии. Именно такого масштаба (уровня) ущерб, который обеспечивает потери противника за гранью установленной им же самим «приемлемости», выражаемой, как правило, количественно, в теории сдерживания носит название «неприемлемого ущерба» /6/.

Типология же отрицательных (негативных) последствий для агрессора, которые в теории сдерживания принято называть ущербом, включает в себя, как показывает анализ, следующие основные факторы, которые могут реализоваться совокупно или по отдельности:

- физические потери, которые, как правило, связывают с прямыми потерями военного, экономического и демографического потенциала государства, понесенными в результате вооруженного противоборства;

- климатические и экологические последствия, обуславливающие негативное состояние окружающей среды, в том числе – природно-ресурсного потенциала государства;

- собственно политические последствия, связанные, например, с возможностью вмешательства других государств в вооруженный конфликт и последствия такого вмешательства (вторичные последствия), с потерей геополитического статуса государства, с его внешнеполитической изоляцией (дискриминацией), экономическими санкциями мирового сообщества; обострением внутривнутриполитической обстановки (вплоть до угрозы смены правительства или даже режима правления) и т.д.;

- последствия экономического характера, к которым можно отнести, в частности, снижение общего уровня производства; потерю или ограничение внешнеторгового и финансового пространства, недополучение экономической прибыли и др.;

- социальные последствия, например, снижение уровня жизни населения и уровня его занятости, миграционные процессы негативного характера и т.д.;

- военно-стратегические последствия, в том числе – снижение военного потенциала государства, потеря союзников по военно-политическим блокам и т.д.;

и другие.

Критерий оценки «эффективности» планируемых военно-политических акций предполагает наличие некоторого предельного уровня (порога) ущерба, достижение которого «обесценивает» и делает нерациональными предстоящие силовые мероприятия. Такого уровня ущерб государству-агрессору, который находится за гранью некоторой «приемлемости», устанавливаемой ВПП этого государства, носит название «неприемлемого ущерба» (НУ).

Первый, введенный явным образом в научный оборот, критерий НУ, ретроспективно признанный «классическим», – критерий Макнамары, –

состоял из двух критериальных показателей – «демографического» и «экономического», характеризовавших, соответственно, прямой ущерб населению и экономике в виде погибших людей и полностью выведенных из строя производственных мощностей. Косвенный ущерб и отдаленные последствия не принимались во внимание. При этом нормативные значения этих показателей («цифры Макнамары»), которые не были четко определены, колеблются как показывает анализ отечественных и американских источников в диапазоне, от 20 до 30% для населения и 50-70% для промышленности /6/. Теперь, мы предлагаем сторонникам замены ЯО на стратегические неядерные высокоточные средства подсчитать, сколько понадобится указанных средств для удовлетворения «критерию Макнамары», например, применительно к США?!?! Можно легко провести «оценку снизу», которая покажет необходимость сотен тысяч (!) таких систем, что далеко за гранью разумного. Здесь дальнейшие комментарии просто излишни. Стратегические неядерные высокоточные средства НИКОГДА не смогут стать функциональным заменителем СЯС! При этом авторы со всей определенностью отмечают их важность (незаменимость) и необходимость наличия в группировке стратегических сил сдерживания как одного из исключительно важных средств направленного действия на участников межгосударственных конфликтов из гиперкласса «оружие». Просто у них **своя миссия, «стратегическая функция» и «стратегическое задание».**

Что касается тактических ядерных вооружений, то их миссию (стратегическую функцию и стратегическое задание) «обычные» высокоточные средства могут «перекрыть» лишь частично. Заметим, при этом, именно частично. Мы (по понятным причинам) не имеем возможности подтвердить этот тезис на уровне строгости присущем оперативно – тактическим обоснованиям роли и места системы вооружения в группировке. Однако на уровне общих (очевидных) положений можно отметить следующее.

Ряд уникальных свойств присущих ЯО невозможно воспроизвести с использованием «обычных» вооружений.

Например, эффективно отразить воздушно – космическую атаку (в том числе и террористическую) с использованием бактериологического оружия или «баллистических капсул» содержащих генетически модифицированные производители токсинов или ампулы основанного на «серой слизи» нанотехнологического оружия /9/ можно только средствами ПРО – ПВО с ядерной БЧ, нейтрализующей всю эту заразу.

Уникальные свойства ядерного оружия позволяют (в отличие от «обычных» средств поражения) эффективно применять его для уничтожения опасных лабораторий и стерилизации заражённых пространств в том числе и нанороботами – репликаторами, а также для уничтожения «стай» самонацеливающихся нанороботов (см./9/).

Только ядерное оружие может выступать в роли «асимметричного ответа» на создание и развертывание потенциальным противником и транснациональным террористическим сообществом новых военных технологий (на базе 6-го технологического уклада), обладающих свойствами ОМП (см. /8/).

Ядерное оружие незаменимо для массового поражения «боевых микродронов». Как отмечалось в /9/: «Основная проблема использования военного и террористического биологического оружия и применения отравляющих веществ – это трудности их анонимного эффективного распыления. Эту задачу мог бы решить миниатюрный робот размером с птицу (например, авиамодель). Множество таких роботов могло бы быстро и незаметно «опылить» огромную территорию. В настоящий момент достигнут значительный прогресс в миниатюризации летающих роботов-дронов, и их размер уменьшился до размеров стрекозы. Большое количество роботов размером с насекомое могли бы перелетать на десятки километров и равномерно распространяться по большой площади, проникать в закрытые пространства – как это сейчас делают стаи саранчи. Например, американским

агентством *DARPA* принята программа *Nano Air Vehicle (NAV)*, которая предусматривает создание летающих дронов размеров менее 7.5 см и весом до 10 г.²» /9/. «Стаи» таких роботов – дронов могли бы доставлены соответствующими носителями на объекты поражения и распылить опасное биологическое или химическое оружие, или атаковать другими способами. То же могло бы сделать меньшее число высокоскоростных и более крупных дронов, действующих как самолёты-опылители, или ряд низкоорбитальных спутников. Вместе с тем, необходимо отметить, что указанные «микродроны» в силу своих конструктивных особенностей обязательно должны иметь «ахилесову» пяту – предельно низкую радиационную стойкость, что обуславливает возможность организации их эффективного массового поражения с использованием ЯО.

Можно привести и множество других примеров характеризующих уникальность боевых свойств ТЯО, обеспечивающих в целом ряде случаев предпочтительность его применения по критерию «эффективность – стоимость».

Говоря о значимости ЯО в арсенале средств направленного действия на участников межгосударственных конфликтов необходимо отметить, что ведущая роль ядерных вооружений ВС РФ на ближнюю и среднесрочную перспективу определяется стратегиями «ядерного» сдерживания и деэскалации конфликта. Стратегия «ядерного» сдерживания основана на признании ядерными государствами факта невозможности достижения сколь нибудь разумных целей войны вследствие угрозы получения неприемлемого ущерба своему государству в результате ответных действий противостоящего «актора» конфликта с использованием ЯО, а стратегия деэскалации конфликта - на возможности эффективного ядерного ответа противнику, применяющему обычные или ядерные средства нападения в ходе ограниченной либо широкомасштабной агрессии. Ответное применение ядерных средств ВС РФ для отражения агрессии должно быть адекватным сложившейся ситуации на театре военных действий и однозначно обесценивать для противника предполагаемую им выгоду от развязывания или эскалации боевых действий.

Функции различных видов ядерных вооружений ВС РФ в реализации указанных стратегий по нашему мнению должны определяться масштабом и характером течения данной военной фазы конкретного конфликта.

По нашему мнению функцию сдерживания ядерных государств от широкомасштабного применения ими ЯО целесообразно возложить в основном на стратегические ядерные силы ВС РФ. В этом аспекте тактическое ЯО, в частности оборонительное, может использоваться для обеспечения устойчивости СЯС в начальный период военной фазы конфликта.

Функция сдерживания ядерных государств от локального или регионального применения ими тактических ядерных вооружений, функция сдерживания обычной крупномасштабной агрессии со стороны как ядерных, так и неядерных государств, а также функции отражения развязанной крупномасштабной агрессии без задействования ЯО или агрессии с применением ядерных вооружений в локальном (региональном) конфликте могут выполняться тактическим ядерным оружием ВС РФ. При этом функция стратегических ядерных сил ВС РФ может заключаться в:

1. Удержании участвующих в военном конфликте ядерных государств (обладающих существенным превосходством в потенциале СОН) от (ответного) применения ЯО в ответ на ситуационно обусловленное деэскалационное (демонстрационное, ограниченное, массированное) применение «нестратегического» ЯО.

2. Удержании не участвующих в военном конфликте ядерных государств от вмешательства в войну при применении Россией тактического ядерного оружия в оборонительных целях. В случае невыполнения функции сдерживания и вмешательства указанных ядерных государств в войну стратегические ядерные силы должны быть способны выполнить функцию деэскалации боевых действий или нанесения удара возмездия.

Реализация функции деэскалации боевых действий, вообще говоря, предполагает не только угрозу, но и **реальное боевое применение ЯО**. Это обстоятельство является одним из камней преткновения в дискуссиях о путях развития ядерного оружия.

Необходимо отметить, что длительное время в аффективную и когнитивную компоненты сознания не только «простых людей», но и

базовых элементов системы принятия решений в военно – политической сфере вводилась информация о якобы имеющим место фундаментальным ограничении на массированное применение ЯО, связанным с **неизбежными глобальными катастрофическими последствиями** такого применения. В результате повсеместное распространение получило (неадекватное) положение о том, что ЯО является скорее «политическим» оружием, чем реальным боевым средством. При определении роли и места ЯО в системе средств направленного воздействия на участников межгосударственных конфликтов оно часто представляется исключительно как этакая «машина судного дня». Это положение обычно связывается с двумя не вполне адекватными представлениями о наличии двух неизбежных результатов массированного применения ЯО:

- так называемой «ядерной зимой»,
- глобальным радиоактивным заражением, делающим огромные территории непригодными к существованию.

В свете вышесказанного необходимо отметить следующее.

- Разумеется (при желании), учитывая огромную энергетику процессов сопровождающих ядерные взрывы, на основе ЯО можно создать «машину судного дня», но только в том случае, если к этому **целенаправленно стремиться**. Имеются все возможности избежать глобальных дестабилизирующих эффектов даже при массированном применении ЯО.

- Авторы, признавая большие заслуги А.Александрова, Н. Моисеева, К.Сагана и др. в деле снижения опасности ядерной войны, считают необходимым начать отход от положения, когда про применение ЯО «говорили правду, но не всю правду» (понимая, что это один из видов лжи в целом полезной во времена СССР и весьма опасной сегодня для России). Решения в военно – политической сфере должны приниматься на основе адекватных (а не искаженных) представлений о боевых свойствах ЯО.

Рассматривая указанную выше проблему как объект исследований, а не как требование выдать окончательные готовые рецепты («стрелять» - не «стрелять»), по нашему мнению целесообразно исходить из следующих положений:

- необходимо четко представлять, на какие **свойства ядерных вооружений** мы рассчитываем, приписывая им **определенные функции**, как военно-политическому и военно-стратегическому инструменту государства,
- нельзя исключать возможность возникновения ситуаций, когда определенный уровень реального боевого применения ЯО окажется наименее плохим выходом из числа доступных в сложившемся положении;
- наличие именно такого оружия, которое мы в крайнем случае готовы применить реально, как раз и является основным сдерживающим фактором, который исключит реальные ядерные боевые действия;
- сдерживать (устрашить) можно только тем оружием, **характеристики которого адекватны масштабу конфликта.**

Третий из сформулированных тезисов основывается, по существу, на концепции "порога сдерживания" войны. Основой концепции является тезис об обязательности соотношения целей, которые ставит перед собой сторона, развязывающая войну, и затрат на достижение этих целей. Предполагается "разумность" и "информированность" агрессора: зная о военном потенциале жертвы агрессии, агрессор не начнет боевых действий, если его ожидаемые потери превысят предполагаемую выгоду в случае достижения целей войны. Так, например, если использование ЯО приведет к резкому увеличению боевых возможностей системы противовоздушной обороны, то этот фактор повысит "порог сдерживания" агрессора, а именно, в указанной ситуации для достижения своих целей агрессору необходимо наращивать масштабы применения наступательных авиационных вооружений, что по экономическим или военно-политическим соображениям может явиться препятствием к принятию им решения о начале военного конфликта.

Существенным фактором обеспечения успешности выполнения ядерным оружием стабилизирующих функций является четкое согласование заявленных в концепции функций ЯО и реальных шагов в военно-технической и дипломатической (переговорной) сферах.

Мы специально останавливаемся на этом вопросе, учитывая критичный **(дестабилизирующий) характер процесса сокращения ядерных вооружений**. А именно, в отличие от процесса их наращивания, такой процесс сопряжен с большей опасностью внезапной (непредсказуемой) утраты стабильности. Чем меньше арсеналы ядерных вооружений, тем существеннее любые их изменения, а также появление фактора военно – технологической внезапности (за счет, например, резкого повышения контрсилловых возможностей СОН) могут нарушить сложившееся равновесие. В связи с этим следует подчеркнуть, что глубокие сокращения стратегических наступательных вооружений должны основываться на более детальном анализе условий поддержания стратегической стабильности, чем это делается в настоящее время, на учете ранее не рассматривавшихся дестабилизирующих факторов /6/.

Ретроспективный анализ хода многолетних переговоров между СССР (Россией) и США в области сокращения стратегических ядерных вооружений показывает, что нельзя признать удовлетворительным состояние дел в этой области. Примером может служить содержание нового Договора о СНВ, разработанного без учета согласованного ранее между СССР и США принципа равенства и одинаковой безопасности, который предполагал, что ни на одном из этапов снижения уровня военного противостояния ни одна из сторон не должна получить одностороннего военного преимущества /6/.

Не меньшие проблемы связаны с возможными сокращениями тактических, в том числе оборонительных ядерных вооружений. К сожалению, следует констатировать, что, по нашему мнению с точки зрения принятия адекватных политических решений, эта область изучалась еще менее глубоко, чем стратегические наступательные вооружения. Вместе с тем, в отношении России роль стратегических вооружений стало играть даже тактическое ядерное оружие, базирующееся на носителях США и НАТО, не попавших под действие соглашения по РСМД от 1987 г. Кроме того, как известно, **крылатые ракеты морского базирования большой, средней и малой дальности, по которым США имеют подавляющее превосходство, вообще не подпадают под действие ни одного договора о сокращении ядерных вооружений.**

В свете вышесказанного тревожит легковесность подхода к оценке роли ядерных средств ограниченной дальности декларируемого рядом VIP-представителей т. наз.

российского «экспертного сообщества». Если США в силу своего геостратегического положения могут вполне оправданно согласиться на уничтожение всех наземных средств оперативно - тактического и тактического назначения, то для России военная опасность скорее всего может быть связана с регионами, непосредственно прилегающими к ее границам. Радикальное изменение ситуации в мире, продолжающееся укрепление и продвижение границ НАТО "на Восток", а, главное, естественный ход изменения баланса вооружений (не только ядерных) различных государств приводит к увеличению значимости тактических ядерных вооружений для обороноспособности России, в частности, и к усилению стабилизирующей роли таких вооружений в мире в целом.

Ядерные средства средней и даже малой дальности скорее всего не менее необходимы для обеспечения национальной безопасности России, чем межконтинентальные, и, в первую очередь, для предотвращения и «погашения» крупномасштабных региональных военных конфликтов, непосредственно угрожающих России.

Необходимо отметить, что гарантированное выполнение всего многообразия задач «ядерного сдерживания» может быть осуществлено только совместными действиями всех ядерных вооружений видов и родов Вооруженных Сил, поскольку ни один из элементов ядерных сил (стратегической триады, ядерных сил оперативно-тактического назначения) в отдельности по нашему мнению не обладает всеми необходимыми качествами и не отвечает в полном объеме возможным требованиям для эффективного управления межгосударственными конфликтами различной интенсивности.

В контексте вышесказанного позиция авторов состоит в том, что сдерживание вооруженной агрессии тем эффективнее, чем шире спектр боевых свойств вооружений и Вооруженных Сил в целом, точнее, сдерживание эффективно в том случае, если любому конкретному виду вооруженной агрессии, в случае ее актуализации в процессе развития конкретного конфликта может быть противопоставлен адекватный военный фактор сдерживания.

Оценивая роль и место СЯС и ТЯО в системе обеспечения военной безопасности необходимо отметить наличие сильной функциональной взаимосвязи между российскими СЯС и ЯО ограниченной дальности (ТЯО). Например, в случае отказа России от ТЯО, при актуализации крупномасштабного военного конфликта протекающего в условиях огромного дисбаланса в потенциалах СОН (см. выше), как представляется, нам реально придется делать выбор одной из 2х поведенческих стратегий:

1. Прекратить сопротивление (сдаться, капитулировать).
2. Задействовать СЯС и «сжечь» мир в «пламени ядерной войны».

В свою очередь, в указанных выше условиях (огромного дисбаланса СОН) деэскалационное применение ТЯО в форме ограниченных ядерных ударов по **полностью развернутым** войскам противника может оказаться нецелесообразным. Дело в том, что данное применение – двухсторонний процесс и мы можем выйти из него с еще большим дисбалансом в сохранившихся после обмена ядерными ударами СОН.

В случае крупномасштабного военного конфликта на Западном и Восточном ТВД представляется целесообразным случае неуспеха демонстрационного **«нелетального»** применения ЯО (например, применяя ЯО в космосе для поражения информационно – управляющих систем и др.) перейти сразу к его массированному применению для решительного ядерного поражения противостоящих группировок СОН. По мнению авторов одной из главных целей указанного **«решительного ядерного поражения»** может стать **«разрушение структуры противостоящих СОН»** (в смысле определенном чл. корр. РАН Ю.С. Павловским). По Ю.С.Павловскому /10...12/ конструкт **«структура вооруженных сил»** имеет следующие измерения:

1. **Материальное.** Под материальной компонентой структуры вооруженных сил, понимается количество личного состава, систем вооружения и средств обеспечения вооруженной борьбы (то есть средств доставки боезапаса, информационных средств, средств связи, средств

решения задач управления и т. д.), приходящихся на одного человека в данных вооруженных силах.

2. **Духовное.** «Дух войска» (по Л.Н.Толстому), «ассабийя» (по Ибн. Хальдуну). Людские потери в процессе вооруженной борьбы и их интенсивность не должны превышать некоторых пределов, **своих для каждой из конфликтующих сторон** /10/; это условие определено Ю.С.Павловским как условие сохранения боеспособности.

Как было указано выше при большом дисбалансе в СОН для обеспечения требуемого (для реализации условий потери боеспособности) разрушения материальной компоненты структуры Вооруженных Сил (ВС) противостоящего «актора» военного конфликта ограниченное применение ЯО представляется нецелесообразным. «Слабый актер» конфликта должен стремиться сразу перевести его на высокие ступени эскалации. В указанном случае **при соответствующем потенциале СЯС** есть серьезные основания надеяться на то, что противник (под угрозой нанесения ему неприемлемого при любых целях войны ущерба со стороны СЯС) не решится на ответное массированное применения ЯО по российским СОН. Что может привести к деэскалации («замораживанию») военного конфликта. При этом, достаточно понятно, что все вышесказанное может реализоваться только в условиях **способности военно – политического руководства государства к решительным действиям** по эскалации военного конфликта. Как совершенно правильно отмечал (известный специалист по проблемам «ядерного сдерживания») Колин С. Грей: «В доктрине сдерживания один грамм воли стоит целого килограмма мускула»/7/.

Вместе с тем необходимо отметить, что сформулированные выше положения (о целесообразности для «слабого актора» конфликта перехода сразу на массированное применение ЯО) не носят безусловного характера и требуют определенного уточнения. Они, по нашему мнению, могут быть справедливы для случая полностью развернутых СОН и для ситуаций, когда противостоящие «акторы» военного конфликта имеют приблизительно

одинаковую чувствительность к потерям, которую Ю.Н.Павловский определил как «фактор Л.Н.Толстого» /10.....14/. В случае, когда противостоящие «акторы» военного конфликта имеют сильный дисбаланс в «факторе Л.Н.Толстого» (определяющим «дух войска», «ассабийу») т.е. разную чувствительность к потерям, то для «слабого» (в материальном смысле) может оказаться целесообразным и ограниченное применение ЯО. Целью такого применения ЯО может стать требуемое (для потери боеспособности Вооруженных Сил противостоящего «актора» военного конфликта) разрушение «духовной» компоненты структуры его ВС.

Как одна из составляющих военной силы «фактор Л.Н. Толстого», зависит от многих причин и обстоятельств. Достаточно очевидно, например, что он зависит от того, ради чего данной группировкой ведется вооруженная борьба, от того, в какой мере люди в структуре вооруженных сил понимают те цели, которые преследуют политики, использующие силовые методы, в какой мере они разделяют эти цели /10 14/.

По мнению Павловского: чем более развито экономически государство, чем более оно «демократическое», тем более высока в глазах общества цена человеческой жизни (своих граждан!), тем с более низким значением фактора Л.Н. Толстого общественное мнение требует от политиков и военачальников вести вооруженную борьбу, если таковая происходит. При достаточном уровне развития государства это приводит к тому, что боевые действия вооруженными группировками этого государства, если они происходят, ведутся при значениях фактора Л.Н. Толстого, гораздо меньшими, чем те, которые могут вынести люди, участвующие в боевых действиях.

Очевидно, что с чем более низким значением фактора Л.Н. Толстого необходимо вести вооруженную борьбу, тем больше требований предъявляется к качеству вооружений, к качеству информационного процесса, к качеству процесса принятия решений, к системе обучения военных специалистов, тем больше стоимость единицы материальной

структуры вооруженных сил (стоимость систем вооружений и средств обеспечения вооруженной борьбы в расчете на одного человека в вооруженных силах), т.е. тем в большей степени воюют "деньгами" и тем в меньшей степени воюют "кровью".

Другими словами, невысокое значение фактора Л.Н. Толстого должно компенсироваться высоким значением материальной составляющей структуры ВС/10 13/. Ю.С.Павловский отмечает, что этот механизм, уменьшая вероятность вооруженных конфликтов между "развитыми" и "неразвитыми" государствами, трансформирует структуру вооруженных сил "развитых" государств таким образом, что эта структура все более становится способной воевать только в режиме расстрела обезоруженных, т.е. в режиме «бесконтактных» войн (5го, 6го и т.д. поколений).

В этой связи необходимо отметить, что для России только сохранение достаточного потенциала СЯС и ТЯО может обеспечить гарантию избежать указанного «расстрела».

Поскольку, по мнению авторов, одной из главных задач упомянутого выше ограниченного применения ЯО может стать разрушение «духовной» компоненты структуры ВС противника (снижение фактора Л.Н. Толстого ниже критического уровня), то очевидно, что ядерное воздействие (разрушение в материальной сфере) целесообразно сопровождать (усиливать) информационным воздействием (разрушение в ментальной сфере). Таким образом, ядерное оружие может рассматриваться как оружейный компонент деэскалационной «ударно – информационной операции» (термин Д.А. Ловцова /15/). Концепция таких операций /15/ непосредственно вытекает из технологий рефлексивного (информационного) управления противостоящим «актором» конфликта, разработанных в трудах российских военных ученых Н.И. Турко, М.Д. Ионова, Д.А. Ловцова и др. (см., например, /15 30/).

Говоря об ударно информационных операциях, уместно обратиться к американскому опыту организации стратегических бомбардировок Германии во 2ю мировую войну. В этой связи интересно отметить наличие явно

выраженного «русского следа» в научно – методическом обеспечении указанных бомбардировок, которое было сконцентрировано в рамках деятельности двух исследовательских групп /31/.

Первая действовала на базе самого элитного на тот момент университета США – Гарварда. Эта группа занималась **анализом целей для бомбардировки на территории Германии и их отбором с точки зрения военной доктрины.**

Экономическую часть этой группы возглавлял крупнейший американский специалист в области эконометрики, будущий лауреат Нобелевской премии, выпускник Ленинградского Университета Василий Васильевич Леонтьев.

Перед группой Леонтьева ставилась задача нанесения максимального ущерба обороноспособности при сохранении системообразующих для германской экономики предприятий.

Помимо Маршалла такие же рекомендации давал и Бернанд Барух, миллиардер, ключевой экономический советник Рузвельта. Его заботила сохранность собственности американских корпораций, которым принадлежали многие ведущие немецкие предприятия, работающие в течение всей войны /31/.

Для разработки «технологий» решения таких непростых задач Василий Леонтьев обратился за советом к своему коллеге по Гарварду, декану первого в Америке факультета социологии и, как пишут американцы, «отцу американской социологии» Питириму Сорокину.

Исходя из своей концепции социальной динамики, Питирим Сорокин рекомендовал генералу Арнольду следующее /31/.

По его мнению, пропаганда против режимов, построенных на идеологии, как он их называл – идеократий, которую разделяет подавляющая часть населения, бессмысленна и неэффективна. Более того, военные испытания и бомбардировки промышленных объектов лишь увеличивают преданность населения режиму.

Чтобы справиться с идеократией, по мнению Сорокина, есть два пути. Либо революция, либо **создание социального хаоса на фоне резкого возрастания страданий и лишений**. В этих условиях первичные потребности в выживании, по его мнению, становятся сильнее более высоких потребностей, связанных с самоидентификацией, наличием культурных ценностей и т.п.

Сорокин указал в своих рекомендациях, что если рассматривать бомбардировки как средство достижения военной победы, то их целью должны стать **не столько предприятия военно-промышленного комплекса, сколько города** (т.е. необходимо осуществить упомянутое выше разрушение «духовной» компоненты структуры его Вооруженных сил и тыла за счет снижения «фактора Л.Н.Толстого» ниже критического уровня).

В январе 1943 г. руководством США и Великобритании было принято решение о начале ковровых бомбардировок городов Германии. И тут встал вопрос о выборе целей и повышении эффективности бомбардировок.

Наступило время задействовать вторую научно-исследовательскую группу ВВС. Ее возглавлял общепризнанный американский математический гений, будущий отец кибернетики Норберт Винер.

Официально группа занималась моделированием противовоздушной обороны и отработкой средств ее преодоления. Однако, Винер, используя финансирование Пентагона, собрал большую группу специалистов различных областей, так или иначе связанных с управлением. Заметную роль в этой группе играли **психологи и нейрофизиологи**. Кстати, интересно отметить, что, хотя первое общедоступное издание книги «Кибернетика» датируется 1947 годом, реально книга под этим названием с грифом «секретно» была издана в середине войны, и поскольку имела желтую обложку, была известна разведкам воюющих стран, как «секретная желтая книга» /31/.

В группу Винера входил молодой Ганс Селье. Вскоре после войны он прославился теорией стресса, хотя первые свои публикации на эту тему он

издал еще в 1936 г. Ганс Селье, будучи швейцарцем по происхождению, основную научную подготовку получил в Пражском Университете, где теснейшим образом общался с преподавателями – русскими эмигрантами. Как он признавался в своих многочисленных работах, на него огромное влияние оказали труды Павлова и Бехтерева.

Когда группа Винера получила задание разработать критерии эффективности бомбардировок, Селье порекомендовал Винеру обратиться к знаменитому немецкому психологу Курту Левину. Сам Курт Левин, после эмиграции из Германии, преподавал в Университете Айовы

Винер рекомендовал генералу Арнольду включить Курта Левина в число консультантов военно-воздушных сил. Выполняя заказ ВВС, Левин написал в 1942 г. работу «Перспектива времени и моральный дух». В ней он отметил: *«Один из главных методов подавления морального духа посредством стратегии устрашения (террора) состоит в том, чтобы держать человека в состоянии неопределённости относительно его текущего положения и того, что его может ожидать в будущем».*

Необходимо обратить внимание на то, что идеи Левина прямо прослеживаются в современной стратегии санкций против России.

К. Левин предложил создать в составе сухопутных подразделений американской армии специальные группы людей, которые бы не только опрашивали пленных, но и главное – читали письма солдат и офицеров к своим родным, захваченные в результате военных действий. Эта работа должна была быть поставлена на системную основу, и анализ писем - использоваться для определения морального эффекта, вызванного бомбардировками.

К. Левин и его сотрудники рассчитали специальную шкалу, увязывающую масштабы разрушений и жертв мирного населения с падением морального духа в тылу и на фронте. При этом, он же сформулировал гипотезу, которая устанавливала необходимый порог разрушений и жертв, начиная с которого подавляющая часть населения в тылу и на фронте

переставала верить в победу своей страны и отказывается от собственных идеологических убеждений.

С 1943 г. совместное командование ВВС США и Великобритании начало вырабатывать перечни целей, в значительной мере под воздействием так называемых «кривых Курта Левина». Надо отметить, что, разрабатывая кривые, он использовал основные положения своих теорий динамической психологии и психологии поля. Эти теории в течение 14 лет, с 1922 по 1936 год, он разрабатывал в теоретическом плане и отработывал экспериментально во взаимодействии с советскими психологами Львом Выгодским и Александром Лурия. Более того, значительная часть учеников Курта Левина были русскоязычными студентами и аспирантами. Часть из них последовала за ним в Америку, а часть вернулась в Советский Союз.

Что касается дня сегодняшнего, то можно предположить, что НАТОвское ядерное планирование применения «нестратегического» ЯО будет переориентироваться (с учетом опыта стратегических бомбардировок Германии) на поражение в первую очередь российского населения (для разрушения российской «идеократии») и базируется на теоретических положениях К.Левина и П. Сорокина. Понятно, что для решения этих задач имеющийся у них потенциал ТЯО может рассматриваться как избыточный в отличие от российского, компенсирующего дисбаланс в СОН (что определяет в первую очередь его «контрсиловую» направленность). По мнению авторов это (наряду с развертыванием Евро ПРО) может рассматриваться как одна из причин готовности США к совместному с Россией снижению потенциала ТЯО. Сторонники указанного снижения (типа группы «Глобальный ноль» и другие представители «экспертного сообщества») должны отчетливо осознавать, что предложения к сокращению ТЯО – это отражение стремления к «смене ядерного прицела» с материальной компоненты структуры вооруженных сил на «духовную».

Возвращаясь к тезису о наличии взаимосвязи между российскими СЯС и ТЯО необходимо отметить, что каждый из компонентов ядерных сил имеет

свои специфические сильные и слабые стороны, которые перекрываются при их взаимодействии и дополняют друг друга в решении боевых задач, стоящих перед ядерными силами в целом.

Таким образом, происходит как бы сопряжение «стратегических функций» СЯС и ТЯО. Стратегическая функция ТЯО в условиях радикальных дисбалансов в СОН в полном объеме может быть фундирована только при наличии соответствующего потенциала СЯС.

Кроме того как фактор «мягкой силы» России ТЯО есть эффективное средство для избавления наших западных «партнеров» от самоуспокоительных мечтаний о том, что и впредь они всегда смогут вести «бескровные» и «бесконтактные» войны (в том числе - в режиме расстрела нашей страны).

Создание потенциала СЯС, ТЯО и стратегических неядерных средств, адекватного для обеспечения возможности адаптивного управления конфликтами различной степени интенсивности даст России в руки своеобразный «меч – кладенец» и способность обеспечения безопасности страны в **быстроменяющейся внешней среде в условиях сильной гностической неопределенности возможных вызовов и угроз.**

Сказанное выше не означает, что авторы стоят на позиции категорического отрицания допустимости в долгосрочной перспективе дальнейших сокращений уровня ядерного боезапаса. Учитывая системную и конфликтологическую ориентацию развиваемой нами методологии, подчеркнем, что одним из основных условий обеспечения контролируемости процесса сокращений ядерного боезапаса является наличие механизма постоянного сравнения характеристик боезапаса и соответствующих функций ВС РФ. В этой связи любой пересмотр характеристик ядерного боезапаса должен осуществляться "через" пересмотр функций, в частности, спектра боевых задач, возлагаемых на ЯО, и норм их выполнения. В этом аспекте важным направлением исследований по оценке возможностей проведения сокращений в сфере ТЯО должен быть поиск "ключевых боевых задач" в операциях различных масштабов, выполнение которых даст

максимальный положительный эффект с точки зрения сдерживания, пресечения или отражения агрессии, по возможности без «включения» в полную силу разрушительной мощи ЯО.

Вместе с тем авторы твердо стоят на том, что определяя целесообразность и возможность сокращений в сфере ЯО надо неукоснительно руководствоваться «принципом Сахарова» сформулированным им в работе «ОПАСНОСТЬ ТЕРМОЯДЕРНОЙ ВОЙНЫ. Открытое письмо доктору Сиднею Дреллу» следующим образом:

«Равновесие в области обычных вооружений - необходимая предпосылка снижения ядерных вооружений» (!!!) /8/

Анализируя роль ядерных вооружений как элемента системы управления безопасностью России необходимо отметить следующее.

Базовые принципы (парадигмы) обеспечения безопасности социальных систем определяются исходя из философского вывода о том, что основу явления безопасности составляет единство утверждения и отрицания существования системы. Поэтому в зависимости от того, какая сторона – утверждающая или отрицающая – является ведущей в этом отношении, различаются *два основных принципа обеспечения безопасности социальных систем*, получивших применение в мировой практике:

- принцип утверждения;
- принцип защищенности.

Более простым принципом является *принцип защищенности, который предполагает направление основных усилий субъекта безопасности на организацию противодействия существующим опасностям (угрозам)*. Обеспечение безопасности в этом случае направлено на определение угроз безопасности (источников и носителей опасности) и их нейтрализацию.

Принцип утверждения предполагает самоутверждение и развитие субъекта невзирая на существующие опасности. При реализации этого принципа акцент в деятельности делается не на защиту от опасностей или борьбу с ними, а на развитие **собственных внутренних сил социальной системы**. Опасность при этом рассматривается как фактор, угрожающий утверждению: **«Я нахожусь в безопасности не потому, что не существует угроз, а потому что Я силен настолько, что они не представляют для меня опасности».**

Использование принципа самоутверждения исторически характерно для развитых стран, например, США. Так, стратегия национальной безопасности США акцентирует усилия американского общества и государства не столько на противодействии актуальным опасностям, сколько на комплексе целей, интересов и действий, направленных на реализацию жизненно важных национальных интересов.

В современных условиях представляется необходимым выработка универсального принципа, например, *принципа «активной защищенности» (применительно не к интересам, а к стране и ее народу), гармонично сочетающего оба рассмотренных принципа с учетом особенностей развития страны и спектра внешних и внутренних угроз ее безопасности.*

В качестве интегрального показателя, характеризующего эффективность обеспечения безопасности социальной системы («страна») можно предложить условие обеспечения высокого статусного положения страны в Мир – системе (в ее «ядре»), позволяющее обеспечить ее субъектность (первую очередь для поддержания и охранения животворящих свойств среды функционирования социума).

Соблюдение указанного условия способствует максимизации следующих (частных) показателей:

- общее время существования социальной системы – интервал между моментом возникновения и прогнозируемым моментом прекращения ее существования (распада, разрушения, поглощения, растворения);

- прогнозируемое (среднее) время существования социальной системы в заданных условиях – интервал между текущим моментом и прогнозируемым моментом прекращения ее существования;

- вероятность выживания социальной системы в заданных условиях на прогнозируемом интервале времени.

В свете вышесказанного необходимо отметить следующее. Одна из особенностей нынешней геополитической ситуации состоит в том, что большинство стран (входящих в «ядро» Мир – системы), которые ныне являются конкурентоспособными, в том числе США, Япония, страны Западной Европы не являются жизнеспособными, потому что производство и население в этих странах растут за счёт так называемой главной производительной силы, за счёт «выедания» ресурсов биосферы, включая сюда и духовность человека. У природы берётся больше, чем отдаётся. Причём берётся не только в национальных границах, а везде по всему миру.

В России ситуация по отношению к временно благополучным странам — асимметричная. Мы сегодня неконкурентоспособны, но остаёмся жизнеспособными. Россия обладает сегодня главным богатством цивилизации. Это — 7-8 млн. км², практически не затронутые техногенной хозяйственной деятельностью

Не следует забывать, что Россия не только занимает 12% суши Земного шара, в России находится 22% лесов планеты, 20% пресной воды, 16% разведанных на настоящий момент залежей минеральных ресурсов, 32% запасов газа, 12% -нефти, 28% - каменного угля, 36% - никеля, 40% - металлов платиновой группы. Ни одно государство или союз государств в смысле ее земли и богатства ее недр не могут сравниться с Российской Федерацией. Россия уникальна возможностью жить и выжить в полностью автономном режиме.

Нам надо иметь возможность «охранять» эти земельные угодья и «склад» природных ресурсов.

В свете вышесказанного необходимо отметить, что (после поражения СССР в 3й Мировой войне и его последующего распада) ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ ПРЕДОТВРАТИЛО РАСПАД РОССИИ! В первую очередь данное утверждение основывается на том очевидном положении, что в то время США были не готовы к инициированию ее развала поскольку ясно, что для Америки (ведущей стране в коалиции стран – победителей) риски (неконтролируемого распространения ЯО) связанные с последствиями распада глобальной ядерной державы НЕДОПУСТИМЫ.

ЛИТЕРАТУРА

1. А.А.Акаев, В.А.Садовничий Глобальные демографические модели как основа для стратегического прогноза. / Проекты и риски будущего: концепции, модели, инструменты, прогнозы/ Отв. ред. А.А.Акаев, А.В.Коротаев, Г.Г.Малинецкий, С.Ю.Малков. - М.:КРАСАНД, 2011
2. Обретение будущего. (Стратегия 2012)./ ИНСОР.- М, 2011
- 3.А. Агеев, Б. Куроедов, О. Сандаров. Военный потенциал 100 ведущих стран мира / ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ № 1/2011
4. Винокуров Г.Н., Ковалев В.И., Малков С.Ю. Геополитическая траектория государства: моделирование и прогноз /«Мировая динамика: закономерности, тенденции, перспективы» Отв. ред. А.А.Акаев, А.В.Коротаев, Г.Г.Малинецкий, С.Ю.Малков. - М.:КРАСАНД, 2013
5. Винокуров Г. Н., Ковалев В. И., Малков С. Ю. Геополитическая динамика и сокращение ядерных вооружений / Моделирование и прогнозирование мировой динамики / Научный совет по Программе фонд. исслед. Президиума Российской академии наук «Экономика и социология знания». – М.: ИСПИ РАН, 2012. – 360с

6. В. Аладьин, В. Ковалев, С. Малков, Г.Малинецкий Пределы сокращения. Доклад российскому интеллектуальному клубу. / Отв.ред. О.А.Платонов.- М.:Институт русской цивилизации, 2013.

7. Колин С,Грей «Возрождение стратегий сдерживания: пересмотр некоторых основополагающих принципов»/ В сб. Геополитика Информационно – аналитическое издание. Выпуск ХХ1. – Москва, 2013.

8. А.Д.САХАРОВ «ОПАСНОСТЬ ТЕРМОЯДЕРНОЙ ВОЙНЫ. Открытое письмо доктору Сиднею Дреллу.»/ referats/materials...sakharov_atom.htm

9. А. В. Турчин «СТРУКТУРА ГЛОБАЛЬНОЙ КАТАСТРОФЫ» Риски вымирания человечества в ХХI веке/ Москва, УРСС, 2010

10 Павловский Ю.Н. О сохранении структуры вооруженных сил в процессе вооруженной борьбы. Дискретный анализ и исследование операций. Сер. 2. Т.5. №1. 1998. С.40-55.

11 Павловский Ю.Н. Математический и гуманитарный анализ механизма ядерного сдерживания. Вестник РАН. Т.70.№ 3.2000.С.195-202.

12 Павловский Ю.Н. Методологические вопросы разработки системы математических моделей, предназначенных для исследования проблем стратегической стабильности, национальной безопасности, строительства вооруженных сил. В кн. Стратегическая стабильность межгосударственных отношений и безопасность России. М.: ВАГШ. 1993. С. 22-29.

13 Павловский Ю.Н. О факторе Л.Н. Толстого в вооруженной борьбе// Математическое моделирование. Т 5. № 1. 1993.

14 Павловский Ю.Н. Метод имитационных игр в проблемах геополитики, безопасности, межгосударственных отношений. В кн. Материалы учредительной конференции Российского общества исследования операций.М.:ВЦ РАН 1997.С.44-56

15 В.Круглов, Д.Ловцов. Концепция информационно-ударной операции в современной войне http://old.nasledie.ru/oboz/N12_99/12_14.HTM

16 Ионов М.Д. Психологические аспекты управления противником в антагонистических конфликтах (рефлексивное управление) // Прикладная эргономика. Специальный выпуск. 1994. № 1.

17 Ionov M.D. On Reflexive control of the Enemy in Combat // Military thought (English edition) No.1 (January 1995), pp. 46,47.

18 Ionov M.D. Control of the Enemy // Морской сборник (Naval collection) No.7 (July 1995), pp. 29-31, as reported in FBIS-UMA-95-172-S, 6 September 1995, pp. 24-27.

19 Е. Коротченко Н. Плотников. Информация - тоже оружие: о чем нельзя забывать в работе с личным составом / Красная звезда, 17 февраля, 1994, с.2.

20 Прохожев А.А., Турко Н.И. Основы информационной войны / Отчет о конференции «Systems Analysis on the Threshold of the 21 Century: Theory and Practice,» Moscow, February 1996, p. 251.

21 Турко Н.И., Модестов С.А. Рефлексивное управление развитием стратегических сил, как механизм современной геополитики / Отчет о конференции «Systems Analysis on the Threshold of the 21st Century: Theory and Practice,» Moscow, February 1996, p. 366.

22 Т.Л. Томас. Рефлексивное управление в России /Рефлексивное управление. Тезисы международного симпозиума. 17-19 октября 2000 г., Москва. Институт психологии РАН, 2000. С.40.

23 Леоненко С. Рефлексивное управление противником // Армейский сборник. – 1995. - № 8 - С.28.;

24 Модестов С.А. Рефлексивное управление развитием стратегических сил, как механизм современной геополитики // Отчет о конференции «Systems Analysis on the Threshold of the 21st Century: Theory and Practice,» Moscow, February 1996, p. 366.;

25 Чаусов Ф.С. Рефлексивный подход в управленческой деятельности. – СПб., 2008. – 286 с. и др.

26 Clifford Raid. Reflexive Control in Soviet Military Planning // Soviet Strategic Deception, edited by Brian Dailey and Patrick Patker, (Stanford, CA: The Hoover Institution Press), pp. 293-312.

27 Nozawa E.T. Similarities and Differences Between Reflexive Control and Peircean Semiotic / Рефлексивное управление. Тезисы международного симпозиума. 17-19 октября 2000 г., Москва. Институт психологии РАН, 2000. С.40.

28 Баранов Алексей, Парад подделок / Московский комсомолец, 8 мая 1999, с.6 (as translated and entered on the FBIS web page, 11 May 1999).

29 Ловцов Д.А. Проблема обеспечения информационной безопасности России // Обозреватель - Observer. 1999. № 2. С. 44—50.

30 Круглов В.В. О вооруженной борьбе будущего // Военная мысль. 1998. № 5. С. 54—58.

31 Ковалев В.И., Ларина Е.С., Сергеев Н.А. Психологический фактор вооруженной борьбы / Информационные войны №2 (30) , 2014г.

Об авторах доклада.

1. **КОВАЛЕВ В.И.:** член исполкома Ассоциации «Аналитика», член-корреспондент Академии военных наук, Академии геополитических проблем и Российской инженерной академии.
2. **МАЛКОВ С.Ю.:** профессор МГУ, действительный член Академии военных наук.